

УДК 94(1-21)(470+571) "1960/1970"

Никитаева Е.Б.

Московский государственный областной университет

**ПОЛИТИКА ЛИКВИДАЦИИ «НЕПЕРСПЕКТИВНЫХ» СЕЛ
И ДЕРЕВЕНЬ В 1960-1970 ГГ. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ**

E. Nikitaeva

Moscow State Regional University

**THE 1960-70s POLITICS OF UNPROMISING VILLAGES
AND SETTLEMENTS LIQUIDATION AND ITS CONSEQUENCES
FOR CENTRAL RUSSIA**

Аннотация. В статье рассматриваются причины и результаты политики ликвидации так называемых «неперспективных» сел и деревень в регионе Центральной России. Эта политика была обусловлена не только курсом КПСС на создание в сельской местности крупных индустриальных поселений, но и объективными обстоятельствами, а именно усиливающейся с конца 1950 гг. миграции из села и нехваткой трудовых ресурсов в колхозах и совхозах. Приводятся данные о резком уменьшении числа населенных пунктов, и показано, что ликвидация огромного мелких сельских поселений коренным образом изменила образ жизни и установки значительной части сельского населения. Усилилась миграция в города и обезлюдение сельской местности вместо восполнения ее трудовых ресурсов.

Ключевые слова: «неперспективные» села и деревни, укрупнение сел.

Abstract. The article examines the reasons and results of the politics of unpromising villages and settlements liquidation in Central Russia Region. The politics was due to the CPSU course to create large industrial settlements in rural area of Russia. Besides, there were objective circumstances for it: the increase of rural population migration which started in late 1950s and scarcity of labour at collective and state farms. The article presents the data of collapse of the rural settlements. It is stated that the liquidation of a huge number of rural settlements resulted in cardinal changes in rural population's way of life and aspirations. Instead of making up of rural resources there was an increase in migration to towns and depopulation of rural area.

Key words: unpromising villages and settlements, small settlements consolidation.

Началом кампании сселения «неперспективных» сел и деревень были появившиеся в 1960 г. «Правила застройки сельских населенных пунктов РСФСР», выпущенные НИИсельхозстроем Министерства сельского хозяйства СССР, где впервые появился термин «неперспективна деревня», и фактически одобрившее данный документ впоследствии постановление ЦК КПСС «Об упорядочении строительства на селе» от 1 сентября 1968 г. [4, с. 212-217]. Те же идеи лежали и в основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», намечавшего укрупнение сел и ликвидацию 114 тысяч населенных пунктов из 143 тысяч [4, с. 403-404].

Экономическую «целесообразность» и социальную «необходимость» кардинального изменения веками сложившегося сельского уклада, идею сосредоточения социально-бытового строительства только в перспективных селах и деревнях в 1960–1970 гг. обосновывали как ученые (социологи, прежде всего), так и целые ведомства.

Выполняя директивы партии, Стройбанк СССР не финансировал не только новое строительство, но и капитальный ремонт существующих зданий и сооружений в «неперспективных» селах.

Отнесение многих тысяч сел и деревень к категории «неперспективных» – а в РСФСР в этот разряд в 1960 гг. попали 70-80% сел и деревень [2, с. 19] – приводило к прекращению строительства в них новых и свертыванию имевшихся школ, небольших животноводческих ферм, магазинов, клубов, хлебопекарен, фельдшерских и акушерских пунктов, ликвидации автобусных маршрутов и остановок на малорентабельных направлениях, связывающих малые поселения с крупными¹, что в сущности означало вытеснение людей из привычных мест жительства. Это породило, вопреки прогнозам, интенсивную миграцию из мелких сел и деревень населения, особенно молодежи. При этом жители «неперспективных» поселений устремились, минуя «перспективные», в города. Таким образом, политика сселения «неперспективных» поселений дала обратный результат.

Особенно губительной отмеченная политика оказалась для Центрального района России (и для всего Нечерноземья), для которого характерна мелкоселенная система сельского расселения. Здесь в 1960-1970 гг. преобладали населенные пункты с численностью сельского населения до 500 человек. В начале 1970 гг. в Нечерноземной зоне доля таких поселений составляла 95,2 %, в Центральном районе – 96,1%, а населенных пунктов с численностью населения от 1000 человек до 3000 человек – 0,1 % соответственно [3, с. 146, 166]. Более того, в 1960–1970 гг. в центральном регионе было большое количество мелких сельских поселений с численностью до 50 человек. Удельный вес таких поселений в Калининской, Костромской, Ярославской, Тульской, Ивановской, Смоленской областях к началу 1970 гг. составлял около 62 %, а на долю мельчайших сельских поселений (с числом жителей до 15 чел.) приходилось более 20%², причем количество населенных пунктов с числом жителей до 15 человек с каждым годом увеличивалось в среднем на 3-4 %³.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 942. Л. 4.

² РГАНИ. Ф. 5 Оп. 62. Ед. хр. 237. Л. 8.

³ РГАНИ. Ф. 5 Оп. 62. Ед. хр. 237. Л. 9.

В силу мелкоселенной структуры сельского расселения, объем первоочередного сселения в начале 1970 гг. в Московской области составил 55 %, в Ярославской – 60 %, в Калининской – более 80 % существующих населенных пунктов [2, с. 19].

Недостаточность средств, нежелание людей покидать родные места были причинами того, что сселение протекало крайне медленно. В Ярославской области по схемам районных планировок предусматривалось в течение 1960-х гг. сократить число деревень почти на 6 тысяч. Однако количество мелких сельских поселений уменьшилось лишь на 533 населенных пункта⁴. Аналогичное положение складывалось и в других областях. Так, во Владимирской области пятилетний план (1976-1980 гг.) по переселению 5500 дворов в благоустроенные поселки был выполнен только на 38 %⁵. Несостоятельность политики ликвидации «неперспективных» сел и деревень становилась все очевидней.

Одним из основных теоретических положений, разрабатываемых многочисленными НИИ, занимающимися проектными работами по застройке сельских населенных пунктов (в Московской области, например, Мосгипроини-сельстрой), о целесообразности ликвидации одной части сельских поселков для укрупнения другой являлся тезис о том, что в более крупном населенном пункте ниже удельные затраты на его строительство и эксплуатацию (расчеты на условных моделях показывали, что, например, в поселках с 2500 жителей капитальные вложения – в расчете на 1 жителя – почти на ¼ ниже, чем в населенном пункте с 500 человек) [1, с. 22]. Но дело в том, что данный эффект достигался экономией капитальных вложений за счет инженерного оборудования, благоустройства, а также строительства культурно-бытовых зданий и сооружений. Именно по этим статьям расходов обеспечивалось почти 70 % всей экономии при укрупнении поселка от 500 до 2500 жителей и 87 % при укрупнении от 1200 до 2500 человек [1, с. 23].

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Ед. хр. 237. Л. 10.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 995. Л. 62; Ф. 17. Оп. 148. Д. 177. Л. 145.

Кроме того, в связи с ограниченностью ресурсов коренное преобразование перспективных сел возможно было лишь за 15-20 лет и более [2, с. 16]. А что касается начального этапа, то в эти годы перспективные села, как правило, мало чем отличались от «неперспективных». Поэтому поток мигрантов устремился не в «перспективные» села, а в города.

Политика ликвидации «неперспективных сел и деревень не учитывала социально-психологических факторов, что привело к росту оттока населения из сел. В условиях, когда сельские поселения отставали в социально-экономическом и культурно-бытовом отношении от города, интенсивность оттока сельского населения из мест с менее благоприятными условиями обитания в более благоприятные в значительной степени регулировалась психологическими факторами и, прежде всего, привычками, традициями, привязанностью к своему дому, селу, сложившемуся укладу жизни. Немалое значение имели родственные, соседские связи.

Поэтому ликвидация огромного числа сельских поселений коренным образом меняла образ жизни и установки значительной части сельского населения, которые наряду с другими факторами играют важную роль (а в неблагоприятных условиях проживания – решающую) в сдерживании миграции сельского населения.

В результате политики сселения «неперспективных» сел и деревень численность сельских поселений в России с 1959 по 1989 гг. уменьшилась на 139 тысяч, в том числе в Нечерноземной зоне – на 76 тысяч [5, с. 41].

Корни этой политики лежат в осуществлении курса на все большую концентрацию

сельскохозяйственного производства без учета реальных социально-экономических условий. Она и натолкнулась на непригодность для этого. Ликвидация огромного числа сельских поселений коренным образом меняла образ жизни и установки значительной части сельского населения, Политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень была обусловлена не только курсом партии на создание в сельской местности крупных индустриальных поселений, но и объективными обстоятельствами усиливающейся с конца 1950 гг. миграции из села и нехваткой трудовых ресурсов.

Логическим продолжением идеи о «неперспективных» селах стало выдвинутое Н.С. Хрущевым в начале 1960 гг. предложение вместо индивидуальных домов в сельской местности вести строительство многоэтажных домов (не более пяти этажей).

Политика сселения «неперспективных» сел и деревень привела в действительности к губительным последствиям для сельской местности центральных областей России, что дало основание социологам сегодня выделить тип «обезлюдевшей среднерусской деревни», охватывающей 22 области Центральной России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бельский В.Р. Основы совершенствования сельского расселения Нечерноземной зоны.
2. Бельский В.Р., Федунга Г.Ф. Сельское расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. – М., 1975.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. – М., 1972.
4. Ленинская аграрная политика КПСС. – М., 1978.
5. Прошляков В.П., Гординский Я.П. Кто же их выдумал ... «неперспективные» деревни? // Достижения науки и техники АПК. 1992. – № 4.